

LITERATUROZNAWSTWO

Lestawa Korenowska

Akademia Pedagogiczna w Krakowie

«Чужое слово» и цитация в Дневнике писателя Ф.М. Достоевского

Фёдор Достоевский был не только художником слова, но и выдающимся публицистом, автором статей, публиковавшихся в журналах «Время», «Эпоха», газете «Гражданин» и, наконец, в *Дневнике писателя*, роль которого в истории русской общественной мысли, литературной критике уникальна. Приступая к изданию *Дневника писателя* в 1872 году, Достоевский писал: «Это будет дневник в буквальном смысле этого слова, отчёт о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчёт о виденном, слышанном и прочитанном»¹. Указания писателя на дневниковую форму выражения позволило М.М. Бахтину в книге *Проблемы поэтики Достоевского* утверждать, что данный публицистический цикл написан в риторико-монологической форме, хотя это в какой-то степени противоречит его же концепции полифонизма творчества великого классика.

Не вступая в принципиальный спор с Бахтиным, попытаемся всё же показать, что статьи, помещенные в *Дневнике писателя*, носят принципиально диалогический характер². Достоевский полемизирует со своими идейными противниками, обменивается неадекватными мнениями с самим собой. Этот диалог Фёдор Михайлович организует посредством активного использования чужого слова, которое, как выражение «чуждой» идеи, постоянно находится в центре внимания писателя. «Под чужим словом я понимаю всякое слово всякого другого человека, сказанное или написанное на своём (то есть на моём родном) или на любом другом языке, то есть всякое не моё слово. В этом смысле (высказывание, речевое произведение) кроме моих собственных слов, явля-

¹ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 томах*, т. 26, Ленинград 1984, с. 112.

² «Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит только один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывает вне себя, за свои пределы, на несказанное чужое слово. Мы увидим дальше, что у Достоевского этот скрытый диалог занимает очень важное место и чрезвычайно глубоко и тонко разработан». М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва 1979, с. 229.

ле (высказывание, речевое произведение) кроме моих собственных слов, является чужим словом»³. Для того, чтобы выявить характерные особенности проявления «чужого слова» в *Дневнике писателя* Достоевского, обратимся к очеркам, посвящённым памяти Н.А. Некрасова, опубликованным в декабрьском выпуске *Дневника* за 1877 год. Вторая глава этого выпуска состоит из пяти разделов: *Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле, Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове как о человеке, Свидетель в пользу Некрасова, К читателям.*

Звязкой страстного разговора о «загадочной» личности Н.А. Некрасова, о значении и специфике его творчества является рассказ о случае, имевшем место у могилы поэта в то время, когда Фёдор Михайлович произнёс вслед за прочими несколько слов: «В самом деле [...] Некрасов, действительно, приходил с новым словом. Был, например, в своё время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займёт такого видного и памятного места в литературе нашей, какое, бесспорно, останется за Некрасовым. В этом смысле он, в ряду поэтов должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым». Когда я вслух выразил эту мысль, то произошёл один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова. Несколько голосов подхватили и крикнули: «Да, выше!»⁴. Этот эпизод послужил материалом для своеобразного обобщения, сделанного Скабичевским в «Биржевых ведомостях»⁵, о котором Достоевский рассказывает следующим образом: «...г-н Скабичевский, в послании своём к молодёжи по поводу значения Некрасова, рассказывал, что будто бы, когда кто-то (то есть я) на могиле Некрасова «вздумал сравнить имя его с именами Пушкина и Лермонтова», вы все (то есть вся учащаяся молодёжь) в один голос, хором прокричали: «Он был выше, выше их». Смею уверить г-на Скабичевского, что ему не так передали...»⁶.

И далее, в конце первого раздела, Достоевский чётко определяет задачу своего разговора с читателем о Некрасове: «...весь этот эпизод, тогда же, на месте, зажёг во мне намерение объяснить мою мысль в следующем номере *Дневника* и выразить подробнее, как смотрю я на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и поэзии, каким был Некрасов»⁷.

В приведённом выше эпизоде чётко выявлена основная драматическая коллизия, которая в дальнейшем повествовании будет развиваться и обогащаться.

Знакомство с литературными очерками, помещёнными в *Дневнике писателя* Достоевского, может на первый взгляд несколько удивить тем, что

³ М.М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 347.

⁴ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 113.

⁵ М. Скабичевский, *Мысли по поводу текущей литературы. Н.А. Некрасов как человек, поэт и редактор*, «Биржевые ведомости» 1878, 6 января, № 6.

⁶ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 113.

⁷ Там же, с. 116.

в них прямая цитация занимает совсем незначительное место. Во втором разделе, озаглавленном *Пушкин, Лермонтов и Некрасов* Достоевский, представляя предшественников покойного поэта, обращается всего лишь к нескольким их произведениям. Это *Деревня* и *Капитанская дочка* Пушкина, причем в последнем произведении речь идёт об одном эпизоде – о расправе Пугачёва с гарнизоном Белогорской крепости, когда Савельич встаёт на защиту своего «барчонка» и предлагает Пугачёву «для примера и страха ради повесить уж лучше его, старика». Это *Борис Годунов*, с характеристикой «величавой фигуры летописца». Это *Песни западных славян* и такие, по словам Достоевского, «прелестные шутки» Пушкина, как, например, болтовня двух пьяных мужиков. Это также *Сказание о медведе, у которого убили медведицу* (имеется в виду стихотворение Пушкина *Сказка о Медведихе*).

М.Ю. Лермонтов представлен поэмой *Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова*, анализ которой сопровождается рассказом о рабе князя Курбского Шибанове. Приводя его, автор *Дневника писателя* использует в качестве источников переписку князя Курбского с Иваном Грозным, и *Историю государства Российского* Карамзина, и известную балладу А.К. Толстого *Василий Шибанов*.

Обращаясь к Некрасову, Достоевский вспоминает его *Элегию* 1874 года, *Рыцаря на час*, *Тишину*, *Русских женщин*, *Власа* (все эти стихотворения названы шедеврами) и стихи *На Волге* – одну из самых «могучих и самых зовущих, – по словам писателя, – поэм».

В дальнейшем, давая социально-психологическую характеристику личности Некрасова, Достоевский приводит три четверостишия его стихотворения *Секрет* (опыт современной баллады), два двестишия:

Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.
*Рыцарь на час*⁸.

и

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан,
*Поэт и гражданин*⁹.

Слово Некрасова, так же как и слово Пушкина и Лермонтова, часто у Достоевского выступает скрытым, то есть «самое чужое слово не воспроизводится, оно лишь подразумевается, но вся структура речи была бы совершенно иной, если бы не было этой реакции на подразумеваемое чужое слово»¹⁰. Например, говоря о «практичности жизни» Некрасова, отмечая, что из всего, что рассказывали про покойного, по крайней мере половина, а может быть и все три четверти

⁸ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 123.

⁹ Там же, с. 124.

¹⁰ М.М. Бахтин, *Проблемы...*, с. 227.

– чистая ложь, Достоевский признаёт, что нечто всё-таки остаётся, «...нечто мрачное, тёмное и мучительное бесспорно, потому что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слёзы его, эти признания, что «он упал», эта страстная исповедь перед тенью матери?»¹¹ (несомненно, имеется в виду стихотворение *Рыцарь на час*):

Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал – и вовсе упал!..

...
Не бледнеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою...
Сколько раз я над бездной стоял.
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал...

Отличая у Некрасова жажду «мрачного, угрюмого самобичевания», писатель сразу же оговаривается: «Такого ли самобичевания могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная так отзываться на всё святое и не покидавшая веры в него [...]. Такие люди пускаются в путь босы и с пустыми руками, и на сердце их ясно и светло»¹². В данном случае рассуждения Достоевского безусловно восходят к стихам Некрасова *На Волге* (1860):

... Я похож
На нищего: вот бедный мой дом,
Тут, может, подали бы гром.

Судя по тому, что некоторые цитаты Достоевского приведены не точно (к примеру, фрагмент из стихотворения Пушкин *Деревня*), писатель во время работы, по-видимому, не обращался к оригинальным текстам, цитируя «чужое слово» по памяти. «Чужое слово» при этом органически срасталось со словом Достоевского, подчёркивая лишь его внутренний диалогический характер. Относительно этого Бахтин пишет: «По мере понижения объективности чужого слова [...] происходит слияние авторского и чужого голоса»¹³.

Оппонентом Достоевского является не столько сам Некрасов, хотя писатель неоднократно подчёркивал расхождение между ними: «...мы разошлись как-то, и довольно скоро, близость наша друг с другом продолжалась не далее нескольких месяцев. Помогли и недоразумения и внешние обстоятельства, и добрые люди». При этом Достоевский, быть может, излишне категорично указывал на силу «влияний», воздействовавших на поэта. «Некрасов [...] всю свою жизнь был под влиянием людей, хотя и любивших народ, хотя и печա-

¹¹ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 121.

¹² Там же, с. 122.

¹³ М.М. Бахтин, *Проблемы...*, с. 230.

лившихся о нём, быть может, весьма искренно, но никогда не признававших в народе правды [...]. Из известных влияний он не выходил всю свою жизнь»¹⁴. Здесь Достоевский имеет в виду, прежде всего влияния В.Г. Белинского, а затем ближайших сотрудников Некрасова по журналам «Современнику» и «Отечественные записки».

Говоря о значении Некрасова, Достоевский предлагает читателю несколько точек зрения, сталкивая их в драматическом противостоянии. В результате личность Некрасова и его творчество оказываются в системе оценок. Наиболее авторитетным голосом в системе этих оценок является предполагаемый голос народа, поэтому Достоевский так часто обращается, прямо или косвенно, к нему.

Дав высокую оценку известному стихотворению Некрасова *На Волге*, Достоевский тут же противопоставляет высказанное в нём мнение русского интеллигента народной точке зрения: «Что разберёт народ?..» Далее слово народа, перефразированное Достоевским, звучит едва ли не пародийно: «...в будущем народ отметит Некрасова. Он поймёт тогда, что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе и ничего лучше и придумать не мог, как убегая от своего богатства [...], приходиться в очень тяжкие минуты свои к нему, к народу, и в неудержимой любви к нему очищать своё измученное сердце»¹⁵.

Стилистика этого высказывания напоминает в какой-то степени обращение Базарова в романе Тургенева *Отцы и дети* к мужику: «Ну, – говорил он ему, – излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнётся новая эпоха в истории, – вы нам дадите язык настоящий и законы»¹⁶. Известная сцена в романе Тургенева призвана показать дистанцию между Базаровым и русским крестьянином. Судя по всему, эту дистанцию чувствует и Достоевский в *Дневнике писателя*, чем и объясняется несколько иронический характер высказывания от лица народа. Это состояние в других случаях диктует необходимость диалога¹⁷. При этом писателем используется стилистика народной речи: «Не люби ты меня, а полюби ты моё, – вот что вам скажет всегда народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему». И дальше: «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту, – вот что это значит и вот как вам ответит народ...»¹⁸. Интересна здесь тринерная оппозиция: *Достоевский, народ и вы*. Под местоимением *вы* Достоевский имеет в виду наиболее гуманных и европейски развитых ценителей русского народа, которые говорили, что он не может подняться до уров-

¹⁴ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 118.

¹⁵ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 119.

¹⁶ И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений в 28 томах*, т. 8, Москва–Ленинград 1964, с. 268.

¹⁷ «Когда пародия чувствует существенное сопротивление, известную силу и глубину пародируемого чужого слова, она осложняется тонами скрытой полемики. Такая пародия звучит уже иначе. Пародируемое слово звучит активнее, оказывает противодействие авторскому замыслу. Происходит внутренняя диалогизация пародийного слова», [в:] М.М. Бахтин, *Проблемы...*, с. 229.

¹⁸ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 115.

ня парижской уличной толпы. Они верили, что он раб. «И вдруг этот народ» с полным достоинством отвечает владельцам своим: «Ты сам по себе, и я сам по себе, если хочешь, иди ко мне, за твоё хорошее всегда тебе от меня честь»¹⁹.

Из приведённого текста следует, что диалог с народом Достоевский организуе́т в форме вопросов и ответов. Писатель сам же ставит вопрос и тут же отвечает на него от имени народа.

Творчество Некрасова в *Дневнике писателя* соотнесено в плане «большого диалога» с творчеством Пушкина и Лермонтова. Некрасов, Лермонтов и Пушкин, в свою очередь, естественно, включены Достоевским в контекст мировой литературы. Этот контекст формируется уже с первой страницы очерка.

Так, например, Достоевский неоднократно обращается к характеристике русского байронизма, отмечая черты его в творчестве как Пушкина и Лермонтова, так и Некрасова. Слова Байрона в очерке отсутствуют, однако его влияние на судьбы русской культуры было настолько значительным и общеизвестным, что в этом прямой необходимости и не было.

Отвечая на вопрос об искренности народности поэта, Достоевский обращается и к шекспировскому Гамлету. «Ещё Гамлет дивился на слёзы актёра, декламировавшего свою роль и плакавшего о какой-то Гекубе: «Что ему Гекуба?» – спрашивал Гамлет. Вопрос предстоит прямой: был ли наш Некрасов такой же самый актёр, то есть способный искренне заплакать о той святине духовной [...], излить затем скорбь свою (настоящую скорбь!) в бессмертной красоте стихах...»²⁰.

Таким образом, контекст мировой литературы придаёт спору, возникшему над могилой Некрасова, особо значительный характер.

Заканчивая разговор о «чужом слове» в очерках Некрасова, следует обратить внимание и на характер организации диалога Достоевского с читателем. Писателя следует, по-видимому, назвать в числе первых художников слова, которые большое внимание уделяли общению с читателями.

За годы выпуска в свет *Дневника писателя* у Достоевского образовалось так много корреспондентов, что писатель не имел возможности отвечать каждому из них. Е.А. Штакеншнейдер записывает слова Фёдора Михайловича в своём *Дневнике*: «Да разве я буду на них отвечать! Разве возможно ответить на них! Вот, например: «Выясните мне, что со мной? Вы можете и должны это сделать: вы психиатр, и вы гуманны...» Как тут отвечать письмом, да ещё незнакомой? [...]. Я [...] не в силах писать столько писем»²¹.

Имена корреспондентов в *Дневнике писателя* Достоевский не называет, по-видимому, это не было в правилах, но из очерка видно, что почта у писателя была обильная. С целью активизировать читателей он напоминает, что

¹⁹ Там же, с. 115.

²⁰ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 123.

²¹ Е.А. Штакеншнейдер, *Дневник и записки (1854–1886)*, Москва–Ленинград, 1934, с. 423.

адрес его «остаётся прежним», лишь просит означать дом и улицу (Греческий проспект), а «не адресовать в редакцию *Дневника писателя*»²².

Используя классификацию всех возможных явлений двуголосого слова, разработанную М.М. Бахтиным, можно определить следующие типы *чужого слова*, встречающиеся в *Дневнике* Достоевского. Из трёх групп: однонаправленное двуголосое слово, разнонаправленное двуголосое слово и активный тип (отражённое чужое слово)²³ остановимся на двух последних, поскольку не наблюдается слияние голосов в слове первого типа, то есть исходящем от первого лица.

Как уже указывалось, Достоевский часто использует для передачи чужого слова пародию. Например, вспоминая, что на похоронах Некрасова говорилось много речей, изменяет тон повествования следующим замечанием: «между прочим, прочтены были *чи-то прекрасные стихи*»²⁴. Достоевский придаёт этому высказыванию слегка иронический оттенок, указывая на тот факт, что стихи были *прекрасные* (положительная оценка) и неопределённое местоимение *чи-то* вместо имени автора стихов, тем самым снижает авторитет (известного или неизвестного) поэта. Похожая пародия со всеми оттенками встречается в высказывании о «великих, неподражаемых, несравненных песнях *будто бы* западных славян, но которые суть явно порождение русского великого духа»²⁵. Именно неопределённое местоимение *будто бы* подвергает сомнению исконность знаменитых *Песен западных славян* Пушкина. Можно привести пример разнонаправленности двуголосого слова, которая касается *передачи чужого слова с переменной акцента*. Речь идёт об эпизоде из *Капитанской дочки*, когда слуга Гринёва упал в ноги Пугачеву и просил «пощадить барчонка, а его, старика, для примера и страха ради, повесить». Достоевский иронически гиперболизирует чужое высказывание, смещая акцент с преданности слуги на *апофеоз русского рабства*. В нескольких случаях автор *Дневника* применяет один из активных типов отражения чужого слова, а именно – *всякое слово с оглядкой на чужое слово*. Слова, которые псалтырищик прочел над покойным («Несть человек, иже не согрешит») ²⁶, вызвали у Достоевского желание перечитать Некрасова, переосмыслить не только творчество поэта, но их личные отношения, заставили сделать отчёт о том, как много Некрасов как поэт на протяжении тридцати лет занимал места в жизни писателя. Ещё одним примером на этот тип отражения чужого слова можно привести спор, который разгорелся вокруг *практичности* Некрасова. Достоевский полемизирует со многими газетами, которые высказывались о *практичности* поэта. Знаменательна и скрытая внутренняя полемика автора *Дневника* по поводу любви Пушкина

²² Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 127.

²³ М.М. Бахтин, *Проблемы...*, с. 231.

²⁴ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 116.

²⁵ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание...*, с. 119.

²⁶ Третья Книга Царств, 8, 46.

к народу. Достоевский в форме скрытого диалога задаёт вопросы и от имени народа отвечает на них. Встречается и реплика диалога – эпизод, который произошёл на похоронах Некрасова, когда Достоевский поставил его в ряд вслед за Пушкиным и Лермонтовым. *Кто-то* (это был Плеханов) прокричал, что Некрасов выше, потом *несколько голосов* подхватили это восклицание. Г-н Скабичевский увеличивает количество голосов – от всей учащейся молодёжи до тысячного хора.

Как видим, чужие слова в *Дневнике* Достоевского принимают в себя новое, авторское понимание и его оценку, то есть становятся двуголосыми. Автор усиливает чужие интонации, вводит спор двух (даже трёх – вспомним оппозицию *Достоевский, народ, вы*) в одном слове за обладание им. Кажется, что писатель затеял словесную игру, в которой сам расписал роли и заранее решил, чей голос будет решающим. «Он не боится самой крайней активизации в двуголосом слове разнонаправленных акцентов», – как справедливо заметил Бахтин²⁷. Именно эта активизация, это множество голосов нужны Достоевскому для его целей, для полифонии его романов, чтобы на фоне чужих голосов ещё энергичнее зазвучало его собственное прямое или преломленное слово.

Литература

- Достоевский Ф.М., *Полное собрание сочинений в 30 томах*, т. 26, Ленинград 1984, с. 112, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 123, 124, 127
- Бахтин М.М., *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 347
- Бахтин М.М., *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва 1979, с. 229, 231
- Тургенев И.С., *Полное собрание сочинений в 28 томах*, т. 8, Москва–Ленинград 1964, с. 268
- Штакеншнейдер Е.А., *Дневник и записки (1854–1886)*, Москва–Ленинград, 1934, с. 423
- Скабичевский М., *Мысли по поводу текущей литературы. Н.А. Некрасов как человек, поэт и редактор*, «Биржевые ведомости» 1878, 6 января, № 6
- Третья Книга Царств

²⁷ М.М. Бахтин, *Проблемы...*, с. 237.